

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ: ПОЛИТИКА США В ИРАКЕ И АФГАНИСТАНЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, 2001–2014

С.Г. Малкин

Американский случай является самым ярким примером рецепции колониального опыта европейских держав в политической практике 2000-х гг. В статье анализируются характерные особенности академической экспертизы внешнеполитических решений США, реализованной в форме исторического моделирования асимметричных конфликтов – анализа перспектив политики Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке в контексте опыта глобальных колониальных империй. Кроме того, делается вывод о необходимости методологической рефлексии при работе с такими исследованиями, вызванной их политической ангажированностью и ограничениями дисциплинарного характера.

Ключевые слова: империя, империализм, колониальное знание, академическая экспертиза, США, Британская империя, Ближний и Средний Восток

American case is the most striking example of colonial experience reception of the European powers in political practice of the 2000s. In article characteristics of the academic examination of foreign policy decisions of the USA realized in the form of historical modeling of the asymmetric conflicts – analysis of the Washington's policy prospects in the Middle East in the context of experience of global colonial empires are analyzed. Besides, the conclusion about the necessity of a methodological reflection during the work with such researches caused by their political involvement and restrictions of disciplinary character is drawn.

Key words: empire, imperialism, colonial knowledge, academic expertise, USA, British empire, Near and Middle East

DOI: 10.32608/1010-5557-2019-2018-145-154

Нормализация дискуссий о внешней политике США в терминах империи и империализма началась еще до вторжения американских войск в Афганистан и Ирак в 2001 и 2003 гг. Основными обстоятельствами, повлиявшими на размышления экспертов в этом направлении, стали спровоцированный распадом СССР кризис Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и вызванные им попытки США придать «вашингтонскому консенсусу» статус «Нового мирового порядка» не только в экономической, но и в политической сфере.

При этом академический дискурс как составная часть экспертного дискурса в Британии и США в данном случае в значительной степени существует в пространстве между историографией и мифотворчеством. Дискуссии о мифологизации колониального опыта европейских держав (имея в виду организацию контрпартизанской борьбы) в англо-американском экспертном сообществе во время военных кампаний в Ираке и Афганистане оказались достаточно оживленными, и многие работы служат отличным примером охватившего коллег полемического задора¹.

Вторжение военных, политологов, журналистов, аналитиков из «фабрик мысли» и специалистов в области международных отношений (как из академического мира, так и мира политики) на поле профессиональных исторических исследований (анализ политики США на Ближнем и Среднем Востоке в широком контексте колониального опыта европейских держав) только усилило эту тенденцию.

Такие высокопоставленные американские военные и сотрудники администрации президента, как командующий американским контингентом в Афганистане генерал Джон Николсон и советник президента по национальной безопасности генерал Г. Макмастер, и сейчас,

¹ Историографические дискуссии о (ре)мифологизации британского колониального опыта в англо-американском экспертном сообществе во время военных кампаний в Ираке и Афганистане оказались по ряду причин наиболее оживленными; в качестве примера приведем только некоторые наиболее полемические работы коллег. См.: *Reis B.C.* The Myth of British Minimum Force in Counterinsurgency Campaigns during Decolonisation (1945–1970) // *Journal of Strategic Studies*. 2011. No. 2 (34). P. 245–279; *Porch D.* The Dangerous Myths and Dubious Promise of COIN // *Small Wars & Insurgencies*. 2011. No. 2 (22). P. 239–257; *Mockaitis T.R.* The Minimum Force Debate: Contemporary Sensibilities Meet Imperial Practice // *Small Wars & Insurgencies*. 2012. No. 4–5 (23). P. 762–780; *Mumford A.* The Counter-Insurgency Myth: The British Experience of Irregular Warfare. London, 2012; *Jones D.M., Smith M.L.R.* Myth and the Small War Tradition: Reassessing the Discourse of British Counter-insurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2013. No. 3 (24). P. 436–464; *Ucko D.H.* Critics Gone Wild: Counterinsurgency as the Root of All Evil // *Small Wars & Insurgencies*. 2014. No. 1 (25). P. 161–179.

десять лет спустя, призывают повторить в Афганистане успех иракской «волны» 2007 г., связываемый с именем генерала Д. Петреуса и новым полевым уставом армии и морской пехоты США, концептуально вобравшим колониальный опыт европейских держав. При этом афганская версия этого знаменитого устава была представлена общественности еще в 2009 г., за пять лет до официального вывода американских войск из Афганистана (при сохранении военного присутствия как такового), так что зачастую такие предложения сводятся к простому увеличению их численности в этой стране.

В начале XXI в., во время активизации политики США в Афганистане и Ираке, основными институциональными формами содержательных публичных дискуссий на тему наследия европейских колониальных империй в практической плоскости («уроки истории») стали статьи в профессиональных специализированных академических и военных журналах, популярных и респектабельных изданиях общественно-политического характера, а также доклады «фабрик мысли» в Великобритании и США. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что следует различать практический интерес к «урокам истории» и такую форму работы с прошлым, как историческая политика, для которой опыт веков — это не ключ к пониманию современных реалий, а лишь их отражение в истории — кривое зеркало актуальной политики.

При этом совершенно особая роль в деле «*translatio imperii*» по обе стороны Атлантики принадлежит давно специализирующемуся на выпуске академической литературы крупному и весьма авторитетному британскому издательскому дому «Routledge» (с 1998 г. функционирует как филиал международного издательства «Taylor & Francis Group»), выпускающему 42 журнала по профилю данных исследований (проблемы внутренней и внешней безопасности, антитеррористическая деятельность, гражданские войны, повстанчество и контрпартизанская борьба) и многочисленную несерийную литературу той же тематики — настоящая фабрика по производству идей в области актуальной политики². Все это позволяет рассматривать прежде всего журнальные публикации именно этого издательского дома как совокупность тематических текстов, объединенных собственной внутренней логикой мощной историографической рефлексии по поводу актуальной внешней политики США в Афганистане и Ираке в особенности.

² Основной дискуссионной площадкой под эгидой издательства в данном случае является выпускаемый с 1990 г. журнал «Малые войны и повстанчество» («Small Wars & Insurgencies»), на страницах которого проблематика колониального наследия в политике ведущих держав в «третьем мире» разрабатывалась еще до взрывного роста интереса к этому вопросу на фоне расширения военного присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке в начале 2000-х гг.

Попытки «бумажных пророков» с научными степенями примирить реалии «антиповстанческих операций» с теорией и практикой контрпартизанской борьбы, разработанной и апробированной европейскими державами в колониальных войнах (включая усилия по поддержанию порядка в империях и их сохранению), являются характерной приметой экспертных дискуссий в США в начале XXI в. Колониальный опыт активно обсуждается как исторический пример, из которого можно извлечь уроки для будущего (позитивные, негативные или невоспроизводимые)³.

Выбор исследовательской перспективы оказывает заметное влияние на экспозицию современных и исторических кейсов в работах кабинетных стратегов, публикуемых не только в журналах издательства. По сути, речь идет об историческом моделировании асимметричных конфликтов – о перспективах военных кампаний США на Ближнем и Среднем Востоке в начале XXI в. в контексте опыта глобальных колониальных империй. Именно эти авторы в полный рост поставили вопрос о роли приобретенного в эпоху империй колониального знания в военно-политическом планировании и прогнозировании в Великобритании и США в эпоху «глобальной войны с террором». Если в 1960-е гг. речь шла о сугубо прагматичном военном интересе, вызванном попытками Пентагона применить во Вьетнаме британский опыт борьбы с «коммунистическим подпольем» в Малайе, то на фоне военных кампаний в Ираке и Афганистане в 2000-е гг. проблема наследия империй впервые вышла на уровень широкой дискуссии как в среде экспертного сообщества, так в публичном пространстве по обе стороны Атлантики⁴.

³ При этом некоторые комментаторы полагают, что с уходом армии США из Ирака и Афганистана интерес к этой проблематике быстро сойдет на нет, как это было с окончанием войны во Вьетнаме. См.: *Rich P.B., Duyvesteyn I.* The Study of Insurgency and Counterinsurgency. – The Routledge Handbook of Insurgency and Counterinsurgency / Ed. by P.B. Rich, I. Duyvesteyn. London; N.Y., 2012. P. 1; *Smith M.L.R., Jones D.M.* The Strange Death of Counter-Insurgency Era // International Relations and Security Network. 2015. April 2 (<http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?id=189557&lng=en>).

⁴ Counterinsurgency. A Symposium, April 16–20, 1962. The RAND Corporation's Washington Office. Santa Monica, 2006 [1963]; *Sunderland R.* Army Operations in Malaya, 1947–1960. Memorandum № RM-4170 ISA. Sponsored by the Department of Defense, Contract SD-79. The RAND Corporation. Santa Monica, 1964; *idem.* Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947–1960. Memorandum № RM-4171 ISA. Sponsored by the Department of Defense, Contract SD-79. The RAND Corporation. Santa Monica, 1964; *idem.* Anti-guerrilla Intelligence in Malaya, 1948–1960. Memorandum № RM-4172 ISA. Sponsored by the Department of Defense, Contract SD-79. The RAND Corporation. Santa Monica, 1964; *idem.* Resettlement and Food Control in Malaya. Memorandum № RM-4173 ISA. Sponsored by the Department of Defense, Contract SD-79. Excluded from Automatic Downgrading and Declassification. The RAND Corporation. Santa Monica, 1964; *idem.* Winning the Hearts

При этом феномен обращения к прошлому в поисках универсального рецепта «операций стабилизации» в странах «третьего мира» (эффективной организации контрпартизанской борьбы) уже стал предметом бурной историографической рефлексии. Значительно меньше внимания уделяется его содержательной стороне – пределам аналитических возможностей исторического моделирования асимметричных конфликтов (прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке). Какие слагаемые колониального опыта европейских держав актуализируются в рамках данного дискурса? Какой исторический опыт в данном случае игнорируется? Какая теоретическая аргументация была предложена участниками этих дискуссий? Какое значение в данном случае имела их профессиональная и дисциплинарная принадлежность и самоидентификация (историческая, политическая и военная науки, международные отношения как особая область исследований)?

Разговор о европейских державах в колониальном контексте с интересующей нас точки зрения в последнее время сосредоточен вокруг проблемы информационного обеспечения ее усилий по поддержанию порядка в империи – от этнографических штудий и картографирования подчиненных пространств к политической разведке, шпионажу и организации контрпартизанской борьбы в современном смысле этого слова⁵.

На методологическом уровне речь идет о новом измерении роли силовых структур в изучении политики империй и США на Ближнем и Среднем Востоке – на стыке истории колониального знания и «новой имперской истории», исторической науки и политологии (при этом

and Minds of the People. Malaya, 1948–1960. Memorandum № RM-4174 ISA. Sponsored by the Department of Defense, Contract SD-79. The RAND Corporation. Santa Monica, 1964; *Thompson R.* Defeating Communist Insurgency: The Lessons of Malaya and Vietnam. N.Y., 1966.

⁵ *Plank G.* An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia. Philadelphia, 2001; *idem.* Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006; *O’Cadhla S.* Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007; *Thomas M.* Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley, Los Angeles, 2008; *French D.* Army, Empire and Cold War: The British Army and Military Policy, 1945–71. Oxford, 2012; *Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012; *Walton C.* Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire. London, 2013. (Пер. на рус. яз: *Уолтон К.* Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016.) Об историографии колониального опыта британской армии в эпоху раннего Нового времени см. подробнее: *Малкин С.Г.* Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М., 2016. С. 63–67, 458–462.

англосаксонская модель представляет в данном случае особый исследовательский интерес, так как является наиболее цельной с точки зрения рецепции колониального опыта европейских держав в постколониальную эпоху).

Едва ли не самым наглядным свидетельством этой тенденции является взаимное проникновение терминологии и набора обсуждаемых тем из области исследований по проблемам безопасности в сферу исторической науки, и верно обратное. Характерными чертами этого процесса (особенно после 2001 г.) являются тематические конференции и публикации в ведущих журналах по проблемам стратегии и безопасности, в которых анализируются исторические прецеденты (с точки зрения авторов статей) современных форм и способов контрпартизанской борьбы, часто также в рамках тематических выпусков (показателен сам язык этих работ, в которых встречаются такие понятия, как «историческое антиповстанчество», «стратегическая история», «исторические малые войны»)⁶.

Эти весьма специфичные и, вместе с тем, характерные форма и способы аргументации во многом обусловлены тем, что среди экспертов, представляющих в современных дискуссиях по поводу применимости колониального опыта к политике США в «третьем мире» академический мир, в основном — профессиональные историки и специалисты в области международных отношений. Причем первых заметно больше, чем вторых, когда речь идет о наследии империй в практической плоскости — применимости Вашингтоном колониального опыта европейских держав в Ираке и Афганистане в начале XXI в. При этом следует иметь в виду, что многие из тех, кого мы условно относим к историческому цеху (имея в виду ракурс исследований в рамках указанной темы), защитили диссертации в достаточно специфической области военных и стратегических исследований, исследований в сфере безопасности, мировой политики и международных отношений (соответственно «War Studies», «Strategic Studies», «Security Studies», «International Politics» и «International Relations» в номенклатуре профилей академической подготовки в странах англосаксонского мира).

⁶ Journal of Strategic Studies. Vol. 28. 2005. Special Issue: Strategy & Small Wars; Journal of Strategic Studies. 2009. Vol. 32. Special Issue: «Hearts and Minds»? British Counter-Insurgency from Malaya to Iraq; Small Wars & Counterinsurgencies. 2012. Vol. 23. No. 4–5. October–December. Special Issue: British Ways of Counter-Insurgency: A Historical Perspective; Small Wars & Counterinsurgencies. 2014. Vol. 25. No. 4. October–December. Special Issue: The Origins of Small Wars: from Special Operations to Ideological Insurgencies. В качестве примера обратной связи см.: The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015. Vol. 43. Issue 4. Special Issue: Hostile Populations.

Историки с 1960-х гг. переживают постепенно набиравший силу разворот в сторону «новой имперской истории» на фоне стремительного становления постколониальных исследований, в контексте деколонизации вызвавших острый кризис традиционной политической и экономической истории европейских империй⁷. При этом историографические баталии в рамках «имперского поворота», несомненно, отражали дискуссии об (анти)колониализме и (анти)империализме в научном сообществе стран Западной Европы и Северной Америки. Историография была формой политической критики в США уже в начале 1960-х гг. (и остается ею до сих пор) – предостережением «новой империи», Соединенным Штатам Америки, от повторения ошибок «старой», Британии. Политизация Американской исторической ассоциации (АИА) во время войны во Вьетнаме, например, зашла так далеко, что Роберт Палмер в традиционном президентском обращении к членам ассоциации в 1970 г. задавался вопросом: «Мы активисты или академики?»⁸

Международники с 1980-х гг. находятся под влиянием «исторического поворота» в изучении международных отношений, с одной стороны, усилившего познавательные возможности обращения к прошлому, а с другой – упрочившего и без того очень крепкие позиции сторонников неореализма, прежде всего в Великобритании (так называемая «английская школа» международных отношений) и США⁹. Между 1970 и 1995 г. 70% статей в ведущих американских журналах по международным отношениям были написаны с привлечением теоретических положений неореализма, в ведущих европейских журналах

⁷ См. подробнее: *After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation* / Ed. by A.M. Burton. Durham, 2003; *Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovskii A., Mogilner M., Semynov A. In Search of a New Imperial History* // *Ab Imperio*. 2005. Issue 1. P. 33–56; *The New Imperial Histories Reader* / Ed. by S. Howe. L., 2010; *Ghosh D. Another Set of Imperial Turns?* // *American Historical Review*. 2012. June. P. 772–793.

⁸ *Palmer R.R. The American Historical Association in 1970* // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76. No. 1.

⁹ См. подробнее: *Gaddis J.L. History, Science and the Study of International Relations* // *Explaining International Relations Since 1945* / Ed. by N. Woods. Oxford, 1996. P. 32–48; *Bridges and Boundaries: Historians, Political Scientists, and the Study of International Relations* / Ed. by C. Elman, M.F. Elman. Cambridge (Mass.), L., 2001; *D'Aoust A.M. Abusing History: A Critical Analysis of Mainstream International Relations Theory Misconduct*. Occasional Paper. No. 6. Center for United States Studies. University of Quebec. Montreal, 2004; *Vaughan-Williams N. International relations and the «Problem of History»* // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 34. No. 1. P. 115–136; *Lobell S.E., Ripsman N.M., Taiaferro J. Neoclassical Realism, The State, and Foreign Policy*. Cambridge, 2009; *Bell D. Writing the World: Disciplinary History and Beyond* // *International Affairs*. 2009. No. 85 (1). P. 3–22.

этого профиля их доля составила 30%, но еще в 1985 г. 74% ссылок в академических статьях по международным отношениям, опубликованных по обе стороны Атлантики, приходились на американских авторов¹⁰.

Поэтому, когда речь идет об изучении роли колониального наследия европейских держав в актуальной политике США на Ближнем и Среднем Востоке, что предполагает, в том числе, анализ стремительно формируемой на наших глазах историографии этой проблемы, необходимо иметь в виду эту двойную методологическую диффузию. Взгляды многих авторов – как историков, так и международных – на наследие империй, транслируемые в экспертной среде США посредством включенности этого сегмента академического дискурса в продолжающуюся общественно-политическую дискуссию, обусловлены не только их политической ангажированностью, но и методологическими ограничениями, накладываемыми данными дисциплинами.

В первом случае внимание сосредоточено на уникальности исторического опыта, во втором – на универсальности общей логики политического и социально-экономического развития. Поэтому профессиональные историки чаще обращаются к сюжетам из истории имперской безопасности до Второй мировой войны, а дипломированные международники предпочитают проверять свои идеи и теоретические положения на более близком к современным политическим и социально-экономическим реалиям историческом материале антиколониальных войн после 1945 г.

Результатом такого не отрефлектированного дисциплинарного фильтра исторического опыта в настоящее время являются две конкурирующие модели анализа роли наследия империй в политике США в странах «третьего мира», которые фактически определяют видение проблемы не только профессиональными историками и международниками, но и представителями военно-политических кругов, принимающими в расчет их рассуждения¹¹. Обе аналитические модели име-

¹⁰ *Smith S.* The Discipline of International Relations: Still an American Social Science? // *British Journal of Politics and International Relations.* 2000. Vol. 2. No. 3. P. 393–396.

¹¹ Вот только некоторые учреждения в ведении Пентагона, Государственного департамента США, Министерства обороны Великобритании и сотрудничающие с ними «фабрики мысли», в той или иной форме прибегающие к услугам экспертов, разрабатывающих проблематику наследия империй в политике США в странах «третьего мира»: Институт стратегических исследований (Военный колледж армии США); Командно-штабной колледж армии США (Форт Левенворт); Университет корпуса морской пехоты США (Куантико); Институт национальных стратегических исследований (Университет национальной обороны, Вашингтон); Королевская военная академия (Сэндхерст); Командно-штабной колледж объединенных служб Соединенного королевства (Шри-

ют достоинства и недостатки. Однако в свете исторического моделирования асимметричных конфликтов в современных исследованиях политики США на Ближнем и Среднем Востоке гораздо важнее другое: их учет в изучении колониального наследия европейских империй позволяет не только более критично оценивать содержание и характер дискуссий в экспертном сообществе «англо-саксонского мира», но и избежать исследования по заданной переменной, тем более, что инструментарий колониальной политики европейских держав перестал соответствовать требованиям времени задолго до завершения эпохи империй¹².

Тенденции и современный уровень взаимопроникновения академических дисциплин, в рамках которых шла наиболее предметная дискуссия о перспективах применения колониального опыта в политике Великобритании и США в Ираке и Афганистане в 2001–2014 гг., позволяют предполагать, что значение исторического моделирования асимметричных конфликтов в академических и, шире, экспертных и военно-политических кругах не теряет своей актуальности¹³. Следовательно, всесторонний учет слабо или вовсе не аргументированных допущений, которые вольно (когда речь идет о политической ангажированности) или невольно (когда подразумевается влияние методологических ограничений) расставляют на этом поле исследований авторы написанных в таком ключе работ (помимо, разумеется, выводов, доказательно подкрепленных в соответствии с академическими стандартами), имеет большое значение для анализа различных проявлений

венхэм); Группа сбора разведанных (Министерство обороны Великобритании, Уайтон); Британский военный центр доктрины, концептов и развития (Министерство обороны Великобритании); Корпорация РЭНД (США); Международный институт стратегических исследований (Великобритания и США).

¹² Так, М. Томас и К. Уолтон независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу относительно характера деятельности британской армии, полиции и разведки в колониях в первой половине XX в.: «государство разведки» представляло собой далеко не всегда достижимую альтернативу «полицейскому государству» — существовала прямая связь между скоростью приобретения, систематизации и применения колониального знания, с одной стороны, и масштабами санкционированного колониальными властями насилия — с другой стороны: *Thomas M. Op. cit.; Walton C. Op. cit.*

¹³ В обзорном введении к специальному выпуску журнала «Малые войны и повстанчество», посвященному интеллектуальным итогам осмысления контрпартизанской борьбы в Ираке и Афганистане в 2000-е гг., Пол Рич небезосновательно заметил, что в будущих конфликтах опыт дебатов по этому поводу (их идейно-практическое наследие) может иметь серьезное значение в области дальнейшего развития стратегического и военного мышления на протяжении еще довольно долгого времени, имея в виду актуальность угроз, о противостоянии которым эксперты говорили и писали в это время применительно к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке: *Rich P.B. A Historical Overview of US Counter-insurgency // Small Wars & Insurgencies. 2014. Vol. 25. No. 1. P. 31–32.*

процесса принятия решений в странах с высокой степенью включенности представителей академического мира как членов экспертного сообщества в актуальные общественно-политические дискуссии. В том случае, когда речь идет о роли колониального наследия европейских империй, необходимо отдавать себе отчет не только в том, каким языком, в каких терминах описывается этот феномен, но и учитывать влияние дисциплинарных фильтров на суждения и выводы экспертов. А также, разумеется, роль самих экспертов – роль экспертного (в том числе академического) знания – в принятии решений относительно политики США на Ближнем и Среднем Востоке.